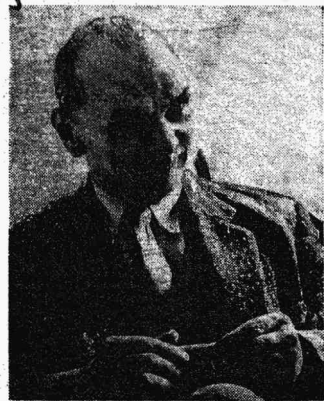

Поиски неизведанного

Николай АКИМОВ, народный артист СССР

никам, чтобы потом, когда все выяснится и успокоится, когда в девственных лесах будут проложены асфальтовые дороги, а дикие звери разместятся за решетками зоопарков, начать свою деятельность — тоже очень полезную, но не связанную с риском.

В области искусства мы также наблюдаем полезное сочетание разных характеров, причем наше наблюдение кажется не только отдельных деятелей, но и целых творческих коллективов. Наши театры, например, несмотря на общие творческие позиции и сходную организационную структуру, тоже отличаются друг от друга в степени их стремления к опытам, к поискам неизведанного.

Особенно четко это различие сказывается в репертуаре. Есть театры, даже большие и знаменитые, которые всячески избегают ставить новую пьесу, первыми, пока другой, менее терпеливый театр не проверит на своем опыте это произведение. Опасность неудачи в таком случае заметно снижается и — благоразумие торжествует.

Но для того чтобы поставить пьесу вторым, нужно, чтобы кто-то поставил ее первым, и, к счастью, такие неблагоприятные театры у нас тоже есть и на их-то сценах нередко и рождаются новые названия советских пьес, которые затем начинают свое шествие по сценам других театров.

В области комедии — в жанре, любимом зрителями и в таком нелегком для его создателей, умеренность и осторожность применимы труднее всего. Поясно это на примере нашего театра.

Многих поначалу пугала мысль поставить на сцене поэму великого Байрона «Дон Жуан». Даже в самом коллективе театра высказывались сомнения в реальности осуществления этого замысла. Мне говорили: «Зачем ставить поэму на сцене, если она предназначена для чтения?» Иные предупреждали: «Безумная затея — уложить две тысячи строк в пьесу!» «Поэма Байроном не закончена, что поэмы на себя смелость дописать конец к этому гениальному произведению?»

И все же «Дон Жуан» вошел на сцену. Возник, не похожий ни на одного своего предшественника, навеянного легендой о коварном обольстителе-испанце. Теперь уже далеко позади остались нелегкие поиски формы сценического действия, отбор и композиция текста, волнения на премьере и первые отзывы зрителей. 85 раз сыгран «Дон Жуан». Дважды за один сезон спектакль вывозился на гастроли в Москву. В Зале имени П. И. Чайковского «Дон Жуан» играли при неизменно переполненном зале. Множество статей и рецензий было напечатано о нем, много писем пришло в адрес театра от зрителей, одобрявших наш выбор этого произведения. Усилился спрос на Байрона в библиотечках, исчез с книжных прилавков «Дон Жуан» в отличном переводе Татьяны Гнедин.

Вот — еще один пример. С большими колебаниями и даже страхом приступали мы к работе над умой, но своеобразной пьесой «Милый обманщик» Д. Килли. В ней нет ни сюжета, ни интриги в том понимании, как это принято ожидать от комедии. В ней только два действующих лица: английский писатель Бернард Шоу и известная английская актриса Патрик Кемпбелл. Пьеса построена на основе подлинной переписки этих двух людей.

Трудно было представить себе, что два человека — актер и актриса весь вечер будут держать внимание и интерес зрительного зала. Нам предсказывали короткую жизнь этой

ГОЛОС РИГА
г. Рига

7 июля 1964

преждали: «Безумная затея — уложить две тысячи строк в пьесу!» «Поэма Байроном не закончена, что поэмы на себя смелость дописать конец к этому гениальному произведению?»

И все же «Дон Жуан» вошел на сцену. Возник, не похожий ни на одного своего предшественника, навеянного легендой о коварном обольстителе-испанце. Теперь уже далеко позади остались нелегкие поиски формы сценического действия, отбор и композиция текста, волнения на премьере и первые отзывы зрителей. 85 раз сыгран «Дон Жуан». Дважды за один сезон спектакль вывозился на гастроли в Москву. В Зале имени П. И. Чайковского «Дон Жуан» играли при неизменно переполненном зале. Множество статей и рецензий было напечатано о нем, много писем пришло в адрес театра от зрителей, одобрявших наш выбор этого произведения. Усилился спрос на Байрона в библиотечках, исчез с книжных прилавков «Дон Жуан» в отличном переводе Татьяны Гнедин.

Вот — еще один пример. С большими колебаниями и даже страхом приступали мы к работе над умой, но своеобразной пьесой «Милый обманщик» Д. Килли. В ней нет ни сюжета, ни интриги в том понимании, как это принято ожидать от комедии. В ней только два действующих лица: английский писатель Бернард Шоу и известная английская актриса Патрик Кемпбелл. Пьеса построена на основе подлинной переписки этих двух людей.

Трудно было представить себе, что два человека — актер и актриса весь вечер будут держать внимание и интерес зрительного зала. Нам предсказывали короткую жизнь этой

эпистолярной комедии, способной будто бы привлечь лишь узкий круг зрителей.

И опять (в который раз!) наш зритель, от имени которого мы позволяем себе так часто высказываться, оказалось умнее, толще и более эрудированным, чем иные из умеренных и осторожных советчиков. Нередко, наблюдая реакцию зрителей на спектакль, я ясно вижу, как широко его интересы, как интересуются он не только отечественной, но и мировой драматургией, если в ней заложены прогрессивные мысли и если они облечены в художественную форму. Вот и на этот раз оказалось, что жизнь, любовь и творчество двух интересных людей, прошедших через события начала нашего века, способны возновлять сидящих в зале советских зрителей.

Но едва ли не самым трудным делом театра является работа над советской пьесой, и особенно над советской комедией.

Если подавляющее большинство зрителей любит веселые комедии и даже убеждено в том, что на комедийном спектакле должен звучать смех, то в том же зрительном зале может оказаться зритель, который по складу своего характера вообще не любит смеяться и слушать, как смеются другие. Прекратить смех всего зала он не может: его не послушают. Но написать название пьесы в газету о том, что он возмущен, он может. И иногда такое письмо продиктовано даже искренними и добрыми намерениями.

Сатирическая комедия «Опаснее врага», которую мы, в числе других советских пьес, привезли на гастроли, за несколько лет своего существования на сцене нашего театра выдержала немало нападков. Это комедия о том — имеют ли право невежды и дураки работать в науке. В то время, как некото-

рые, не в меру осторожные люди уверяли нас, что таких институтов в нашей действительности не существует, директор одного подлинного научно-исследовательского института вывел у себя объявление, в котором рекомендовал всем сотрудникам... посмотреть этот спектакль. До такой степени тема и материал пьесы оказались актуальными! На смотре спектаклей, поставленных в честь XII съезда КПСС, спектакль «Опаснее врага» получил диплом первой степени.

И одна написанная пьеса не может считаться законченным произведением, пока она не поставлена на сцене и не принята зрителями. Первая постановка новой комедии всегда выливается в творческую работу театра с автором, в переделки, дописки, перестройку на основании опыта репетиций и проверки пьесы в актерском исполнении. И эта работа, когда на наших глазах рождается еще никем не виденная и не слышанная пьеса, когда предположение автора о «доходчивости» той или иной сцены превращаются в доказанную истину или опровергаются, заставляя искать другое решение, другой ключ; — пожалуй, самая радостная и увлекательная работа для творческого коллектива.

Именно в таком тесном творческом контакте и взаимопонимании проходила при жизни Евгения Шварца работа над его пьесами «Обыкновенное чудо», «Повесть о молодых супругах», «Тень» и «Дракон». «Тень», которую мы привезли на гастроли, стала в последние годы очень популярной не только у нас, но и на Западе, очевидно, потому, что, кроме остро сатирических мотивов на злобу дня, в ней раскрывается старая и в то же время вечно живая тема борьбы добра и зла.

Я надеюсь, что вышедшие

зрителю будет привлечено и двумя другими несамыми комедиями, которые мы выпустили сравнительно недавно. Это «После двенадцати» Б. Радера и В. Константинова и «Мост и скрипка» И. Дворецкого.

Из русских классических пьес мы привезли три — «Пестрые рассказы» А. П. Чехова, «Дело» А. В. Сухово-Кобылина и «Лев Гурыч Синичкин» А. Бонди.

«Пестрые рассказы» живут на нашей сцене уже четвертый год. Мы очень дорожим этим спектаклем, потому что он положил начало успешному поиску таких форм сценического приоткрывания классики, которые никак не подходят под общепринятое понятие «инсценировка». После «Пестрых рассказов» нам легче было подходить к воплощению «Дон Жуана». Этот опыт сценических композиций делает для меня вполне реальной давнюю мою мечту — поставить на сцене «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

Один из рецензентов «Дела» очень кстати напомнил слова Луначарского о том, что режиссеры должны заставить классиков «жить наиболее интенсивно». Мне думается, что острый зрительский интерес к этому крупнейшему произведению русской классики и в Ленинграде и на гастролях в Москве, говорит о долготелости этой пьесы.

Мне осталось упомянуть еще один спектакль, который мы привезли на гастроли в Ригу. — это «Физик». Наш театр один из немногих, который поставил эту интересную пьесу о жизни и судьбе ученых в капиталистических странах, об их ответственности за будущее человечества.

Продолжение этого разговора — очень важного и интересного — для нас — подкажет жизнь. Наше живое общение с рижским зрителем,